

«Народное искусство горной части Венгрии». «Народное искусство Задунайской области». В первой из этих глав дается представление о народном искусстве одной из наиболее типичных венгерских областей, где сосредоточено большинство сельского населения. Авторы рассказывают об архитектуре сельских жилищ, наиболее интересных интерьерах домов, об особенно развитом здесь изготовлении кожаных изделий: виды и формы этих изделий, их орнаментация и сам метод обработки кожи очень древние и, по-видимому, были восприняты от мадьяр во многих западных странах. Дальше даются сведения о развитии гончарства; подробно описываются народные костюмы местных жителей. По такому же плану дано описание народного искусства и по двум другим районам Венгрии.

Остальную часть книги занимают прекрасно выполненные фотографии (32 цветных и 109 черно-белых), воспроизводящие наиболее ценные образцы народного искусства венгров. Изображенные на них предметы взяты преимущественно из музейных фондов (Будапештского и Дебреценского этнографических музеев, Будапештского исторического музея, Музея прикладного искусства в Будапеште) и некоторых частных коллекций. Следует упомянуть и о хорошо, четко составленных пояснительных текстах к каждому фотоснимку, кратко знакомящих читателя с внешним видом и орнаментом данного предмета, местом его изготовления и бытования, а также с тем, как и для какой цели он употребляется.

Книга написана живо и увлекательно, дает представление не только о народном искусстве, но и о некоторых сторонах жизни венгерского народа в прошлом; она является ценным пособием для специалистов, ее с удовольствием прочитают и все интересующиеся жизнью и творчеством венгерского народа.

И. Н. Гроздова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Народы Америки, II. Под редакцией А. В. Ефимова и С. А. Токарева. М., 1959, 670 стр. (Серия «Народы мира», под общей редакцией С. П. Толстова).

С каждым годом в нашей стране растет интерес к Латинской Америке, ее истории, современному положению и культуре. Поэтому каждая новая книга по латиноамериканской тематике привлекает самое пристальное внимание советских читателей. Это в полной мере относится и к опубликованному в прошлом году, вслед за первым, второму полутому капитального труда «Народы Америки», посвященному народам Латинской Америки. Эта книга, подготовленная сектором Америки Института этнографии Академии наук СССР, представляет собою фундаментальный труд, в котором на основе огромного фактического материала показано развитие коренного индейского населения Латинской Америки до ее открытия и завоевания европейцами, освещены особенности испанской и португальской колонизации, прослежен процесс формирования латиноамериканских наций, дана характеристика этнического состава, быта и культуры современного населения стран Латинской Америки. Наряду с чисто этнографическим материалом в книге содержатся также разнообразные сведения по истории, экономике, политическому положению этих стран.

Авторами использованы все доступные источники и обширная литература, а также некоторые неопубликованные рукописи. Можно указать лишь на незначительные пробелы в приводимом ими библиографическом списке, где отсутствуют, в частности, работы Г. Д. Диссельхофа, В. Крикеберга, Ф. Каца, М. Коваррубиса, Ч. Уэгли и М. Гарриса, И. Ганзелки и М. Зикмунда¹.

Следует отметить, что рецензируемый труд является, по существу, первой попыткой систематического изложения и обобщения с марксистских позиций вопросов, по которым имеется достаточно большая буржуазная литература, но до сего времени отсутствовали какие-либо обобщающие исследования марксистского характера².

Квалифицированный авторский коллектив под руководством А. В. Ефимова и С. А. Токарева в целом хорошо справился со стоявшей перед ним трудной задачей

¹ H. D. Disselhoff, Geschichte der altamerikanischen Kulturen, München, 1953; W. Krickeberg, Altmexikanische Kulturen, Berlin, 1956; F. Katz, Die sozialökonomischen Verhältnisse bei den Azteken in 15. und 16. Jahrhundert, Berlin, 1956; M. Covarrubias, Indian art of Mexico and Central America, New York, 1957; C. Wagley and M. Harris, Minorities in the New World, New York, 1958; J. Hanzelka, M. Zikmund, Tam za řekou je Argentina, Praha, 1956; и х же, Za lovcí lebek, Praha, 1958.

² Опубликованный в 1955 г. Институтом этнографии АН СССР этнографический сборник «Индейцы Америки» содержал лишь краткие сведения о коренном населении некоторых латиноамериканских стран.

разработки сложного комплекса проблем, связанных с развитием и современным положением народов 20 латиноамериканских государств и колоний США, Англии, Франции, Голландии в Латинской Америке. Советская научная литература пополнилась написанным на высоком научно-теоретическом уровне ценным трудом, который является значительным вкладом в наше молодое американоведение и полезным пособием для широкого круга читателей, интересующихся проблемами Латинской Америки. Хочется поздравить авторов и редакторов с успешным завершением этой большой работы, в которую вложено много знаний, труда и сил. Следует отметить, что Институт этнографии является пока единственным в нашей стране научно-исследовательским учреждением, где изучаются история и современное положение американских индейцев. Советские этнографы опередили своих коллег — историков и экономистов также и в том смысле, что первыми подготовили обобщающую работу о народах Америки. Приветствуя успех их полезного начинания, нельзя не пожелать, чтобы оно послужило стимулом к активизации исследований в области американистики и в других отраслях науки.

Рецензируемая книга делится на три части: 1) «Колонизация стран Латинской Америки», 2) «Народы Мексики и Центральной Америки», 3) «Народы Южной Америки». Каждая из двух последних частей состоит, в свою очередь, из двух разделов: «Коренное население» (где описывается развитие древних индейских культур до европейского завоевания) и «Новые этнические образования». Такая структура создает для читателя некоторые неудобства, так как, знакомясь с материалом о завоевании и колонизации Америки испанцами и португальцами, он встречает упоминания о древних индейских цивилизациях, относительно которых узнает лишь в последующих разделах.

В главе I освещены захват испанскими завоевателями стран американского континента и превращение их в колонии Испании, дана характеристика испанской колониальной системы, показаны основные особенности развития Испанской Америки в течение колониального периода, этнический состав и положение населения, борьба народов за независимость в первой четверти XIX в. Глава дает общее представление об испанской колонизации Америки и специфике развития американских колоний Испании на протяжении трех столетий. Отмечая различия в темпах и результатах этой колонизации и европейской колонизации американского континента к северу от Мексики³, автор объясняет их различия в уровне развития коренного населения и в социально-экономических отношениях, установленных колонизаторами. К этому следовало бы добавить, что различным был и общественный строй метрополий (Испания и Англия), а также самый характер осуществлявшейся ими колонизации. Значительный интерес представляет вопрос о численности индейского населения Америки до и после испанского завоевания. Автор приводит в этой связи некоторые данные Лас Касаса и Гумбольдта, однако, по существу, так и не дает определенного ответа на поставленный им вопрос. Численность различных расовых и этнических групп населения в начале XIX в. дается на основании сведений Гумбольдта, подтверждаемых расчетами современного американского историка Риппи, сделанными им в работе «Историческое развитие Испанской Америки» (1932). Жаль, что автор не использовал при освещении этого вопроса специальные исследования, в которых анализируются данные различных источников о численности населения всей Латинской Америки или отдельных ее стран⁴.

В конце главы дан краткий обзор основных событий войны за независимость испанских колоний, датируемой 1810—1824 гг., хотя сам же автор указывает, что гарнизон Кальяо — последнего оплота испанского владычества на американском континенте — капитулировал лишь в 1826 г. Вызывает возражения характеристика освободительного движения в Южной Америке как исключительно креольского. Не следует забывать, что народные массы участвовали в борьбе за независимость (конечно, в разной степени) не только в Мексике, но и в других испанских колониях.

Очень хорошее впечатление производит глава II, в которой освещен процесс португальской колонизации. Авторы, умело используя конкретный материал, смогли показать специфические особенности колонизации Бразилии, судьбы ее коренного населения, обрисовали развитие бразильской экономики, занятия и быт населения (в частности, очень яркими штрихами характеризуются бразильские скотоводы — вакейро) в колониальный период. Но следует дополнить оценку освободительного движения XVIII в. в Бразилии как «сепаратистского». Ведь участники этого движения боролись не только за отделение от Португалии. Большинство из них стремилось к осуществлению ряда прогрессивных преобразований в политической, экономической и социальной области. Сами авторы, характеризуя инконфидентов как «патриотов-сепаратистов» (стр. 50), на следующей же странице отмечают, что основными пунктами их программы были провозглашение республики и отмена рабства (стр. 51).

³ Автор допускает здесь неточность, употребляя термин «Северная Америка», хотя последняя, как известно, включала и Мексику, входившую в сферу испанской колонизации.

⁴ См., например: A. Rosenblat, *La población indígena y el mestizaje en América*, Buenos Aires, 1954; S. Cook and L. B. Simpson, *The population of Central Mexico in the sixteenth century*, Berkeley and Los Angeles, 1948.

Интересно написана глава III, в которой рассказывается о населении Мексики и Центральной Америки до испанского завоевания. Особое внимание авторы уделяют характеристике древней цивилизации майя. В этом разделе, написанном на высоком научном уровне, читатель найдет богатый материал о хозяйстве и материальной культуре, общественном строе майя, а также ряд других сведений. Приведя краткие данные об ольмекской, сапотекской и тольтекской культурах, авторы переходят к довольно подробному освещению ацтекского общества. Они характеризуют хозяйство, ремесло, поселения, одежду, социальный строй ацтеков. Р. В. Кинжалов, Ю. В. Кнорозов, И. Ф. Хорошаева решительно выступают против попыток модернизации общественного строя ацтеков, в котором испанские историки XVI—XVIII вв. (а вслед за ними и ряд буржуазных авторов) склонны были видеть привычные им атрибуты европейского феодального общества. Вместе с тем они отвергают точку зрения Моргана и Банделье о наличии родового строя у ацтеков. Опираясь на научный анализ всех данных, имеющихся в распоряжении исследователя, авторы правильно указывают на сочетание ацтекских родовых институтов с элементами классового общества, отмечают наличие у ацтеков как общинной, так и частной собственности, подчеркивают усиление в ацтекском обществе социальной дифференциации, разложение родового строя и складывание государства. Однако они не упоминают об интересном исследовании социально-экономических отношений у ацтеков Ф. Каца, который вносит много нового в изучение этого вопроса⁵.

Глава заканчивается краткой характеристикой подвластных ацтекам хуастеков, тотонаков, миштеков, сапотек, а также независимых племен Мексики.

Глава IV дает весьма полное представление об условиях и особенностях формирования этнического состава Мексики, содержит развернутую характеристику современного населения этой страны. Авторы увязывают процесс формирования этнического состава и мексиканской нации со всем ходом исторического развития страны, рассматривают его на фоне социально-экономических и политических изменений в колониальный период, в XIX и первой половине XX в. Говоря о жестокой эксплуатации и массовом истреблении коренного населения Мексики колонизаторами, они указывают, что его численность, составлявшая в 1570 г. 3,3 млн. чел., сократилась к середине XVII в. до 1,3 млн. Последняя цифра была бы еще нагляднее, если учесть, что, согласно подсчетам американских ученых Ш. Кука и Л. Б. Симпсона, численность населения Центральной Мексики к началу испанского завоевания (1519 г.) составляла около 11 млн. человек, к середине 60-х годов XVI в. уменьшилась до 4,4 млн., а к концу XVI в.— до 2,5 млн.⁶ Начавшийся со второй половины XVII в. постепенный прирост индейского населения авторы правильно связывают с некоторыми изменениями условий его существования и форм эксплуатации. Однако приводимая ими цифра численности мексиканских индейцев в 1810 г. (3,7 млн.), на наш взгляд, преувеличена. Она основана на оценке Ф. Наварро-и-Норьега. Между тем большинство современных мексиканских историков считает наиболее достоверными данные, приводимые А. Гумбольдтом и Л. Аламаном, согласно которым число индейцев в Мексике не превышало в то время 2,5 млн. чел.⁷ Но при отсутствии демографической статистики данные о численности населения остаются приблизительноными.

Важнейшим этапом истории Мексики была борьба за национальную независимость (1810—1821 гг.), которая в этой стране носила более революционный характер, чем в других испанских колониях. Однако ликвидация колониального гнета не сопровождалась коренным изменением положения трудящихся масс и прежде всего индейского крестьянства. На протяжении всего XIX века продолжался начавшийся еще в колониальный период процесс экспроприации крестьянских земель. Этому во многом способствовали изданные во второй половине 1850-х годов законы, направленные против церковного землевладения, и в первую очередь так называемый закон Лердо (1856 г.), запрещавший владение землей всем «корпорациям». Поскольку в число последних включались и крестьянские общины, то одним из результатов «закона Лердо», подтвержденного соответствующей статьей конституции 1857 г., явилось усиление массовой экспроприации общинных земель. Утверждение авторов о том, что согласно «закону Лердо» запрещение корпорациям владеть землей якобы не распространялось на крестьянские общины (стр. 113), не соответствует действительности.

Хорошо показан сложный процесс формирования мексиканской нации и его специфические особенности в Южной, Центральной и Северной Мексике. «XIX век был решающим в формировании мексиканской нации. Развитие капитализма в стране, национально-освободительное движение против колониального гнета Испании, создание независимого национального государства, борьба против агрессивных происков США и других империалистических государств — вот основные факторы, резко ускорившие процесс формирования мексиканской нации», — пишут авторы (стр. 115). Однако не совсем удачной представляется формулировка о том, что период от провозглашения не-

⁵ F. Katz, Указ. раб. Рецензию Р. Кинжалова на эту работу см. «Сов. этнография», 1958, № 2.

⁶ S. Cook and L. B. Simpson, Указ. раб., стр. 38, 43, 46. Данные этих исследователей, по мнению ряда специалистов, являются наиболее достоверными. См., например, F. Katz, Указ. раб., стр. 32.

⁷ См., например, L. Chavez Orozco, Historia de Mexico (época colonial), т. II, Mexico, 1953, стр. 240.

зависимости до революции 1910—1917 гг. «можно считать временем окончательного оформления мексиканской нации» (стр. 116). На наш взгляд, точнее было бы сказать, что к концу этого периода мексиканская нация в основном сложилась, но процесс ее дальнейшего развития продолжался. В главе приводятся многочисленные данные о наличии в современной Мексике ряда индейских народов, составляющих значительную часть населения. Эти национальные меньшинства нельзя рассматривать как противостоящие уже окончательно сформировавшейся мексиканской нации и изолированные от нее. Ведь сложный процесс ассимиляции, в ходе которого формировалась мексиканская нация, еще не совсем закончен, и, несмотря на все попытки правящих кругов Мексики добиться полного поглощения индейских народов, последние, как правильно отмечают авторы, оказывают значительное влияние на культуру, быт и другие стороны мексиканской жизни. Кстати, в других главах, где речь идет о странах с гораздо меньшим, чем в Мексике, удельным весом индейского элемента, не содержится столь категорических утверждений о полной завершенности процесса формирования нации, а в отношении Венесуэлы даже сказано, что он еще не завершен и в настоящее время (хотя там единственной этнической группой, не втянутой пока в этот процесс и изолированной от остального населения, являются индейцы, составляющие всего 3% населения).

С большим интересом читается раздел «Национальные меньшинства Мексики», содержащий характеристику современного положения ацтеков, майя, отоми, сапотек, миштеков, тарахумара, яки, тарасков и других индейских племен. Авторы приводят ценный материал о сельском хозяйстве, кустарно-ремесленных производствах, поселениях и постройках, одежде, фольклоре Мексики. Однако, описывая культуру и быт мексиканцев, они сосредоточивают свое внимание преимущественно на индейцах и крестьянстве в целом. Культура же и быт городского населения получили более слабое отражение. Слишком сжато, к сожалению, освещены мексиканская литература и особенно — изобразительное искусство. Данная в главе характеристика промышленности Мексики не соответствует ее современному состоянию. Во время второй мировой войны и после нее в промышленном развитии страны произошли значительные сдвиги, не нашедшие фактически отражения в рассматриваемой главе.

Глава V содержит характеристику населения шести небольших стран Центральной Америки. Наиболее удачен здесь раздел «Гватемала». Дав краткий географический и исторический очерк, И. Ф. Хорошаева переходит к анализу состава населения, значительную часть которого, наряду с индейцами, составляют так называемые ладино. Если первоначально этим термином обозначались лица смешанного испано-индейского происхождения, то теперь в него вкладывается скорее определенный социальный и бытовой смысл. «Ладино — человек, который живет главным образом в городе, говорит по-испански, одевается по-европейски и свысока смотрит на индейцев, говорящих на своих наречиях. Конечно, и среди ладино есть люди зажиточные и есть беднота, работающая батраками у первых. Среди индейцев тоже есть более зажиточные. Если такой зажиточный индеец переселяется в город, начинает одеваться по-европейски, переходит на испанский язык, то его постепенно начинают рассматривать как ладино» (стр. 150). Автор дает наглядную характеристику основных занятий, быта и культуры населения Гватемалы.

Из раздела «Панама» читатель получит отчетливое представление о сложном этническом составе немногочисленного (около 1 млн. чел.) населения этой республики, где, наряду с индейцами, неграми и белыми, имеется много мегисов и мулатов, составляющих до двух третей населения.

Особое место среди стран Центральной Америки занимает Коста-Рика, где преобладает население европейского происхождения. Этот факт следовало бы, однако, не только отметить, но и объяснить, что, к сожалению, не сделано автором.

В главе VI наибольшее внимание уделено Кубе. Анализируя состав ее населения, автор четко охарактеризовал различные этнические группы и их связь с социальной структурой. Ярко описаны быт и развлечения кубинцев, особенно — традиционные кубинские карнавалы (лас компарсас). В кратком историческом очерке недостаточно сказано о национально-освободительном движении 1895—1898 гг. и провозглашении независимости Кубы (хотя в списке литературы фигурирует статья А. Зориной, специально посвященная этому вопросу).

Вслед за разделами «Гаити» и «Доминиканская республика» очень кратко изложены основные сведения о колониальных владениях США, Англии (сравнительно подробнее освещена Ямайка), Франции и Голландии в Вест-Индии.

Наиболее значительная по объему часть работы посвящена народам Южной Америки. Она открывается большой и весьма содержательной главой о древних народах области Анд. В главе приведен разнообразный и обильный фактический материал о народах средней части области Анд доинкского периода, об образовании государства инков, их материальной культуре, искусстве, религии и т. д. Анализируя общественный строй инков, автор использует не только обширную зарубежную литературу, но и неопубликованные рукописи известных советских исследователей В. К. Никольского и А. М. Золотарева. Убедительно опровергая данную французским ученым Бодэном и его последователями оценку инкского общества как «социалистического», Б. И. Шаревская присоединяется к мнению В. К. Никольского и А. М. Золотарева и характеризует это общество как «раннерабовладельческое, с сохранением значительных пережитков родоплеменного строя, но оформившееся в деспотическое государство» (стр. 289). Осве-

щая проблему инкской письменности, автор опирается в основном на интересные исследования bolivийского ученого Д. Э. Ибарра Грассо и некоторых других зарубежных авторов, доказывающих существование письменности у инков.

Гораздо более краткое и беглое освещение получила цивилизация древних чибчамунска (глава VIII). Наиболее полное стражение здесь нашли материальная культура, общественный строй и религия.

В последующих главах дана характеристика положения коренного населения других областей Южной Америки до европейского завоевания. Из племен южноамериканских тропических лесов и саванн (глава IX) наиболее полное представление создается об индейцах бассейна Амазонки и Ориноко: их хозяйство, поселения и жилищах, общественном строе. Глава X посвящена индейцам области Чако, а глава XI — индейцам районов пампы и Патагонии (Южная Аргентина). В главе XII хорошо показаны социальная организация и религиозные представления арауканов. Характеризуя индейцев Огненной Земли (глава XII), автор уделяет главное внимание таким их занятиям, как охота и рыболовство.

В главах XIV—XXII рассматриваются новые этнические образования, сложившиеся в странах Южной Америки в результате длительного процесса смешения различных компонентов. Прежде всего выделяются страны с преобладающим среди населения индейским элементом. Это — страны Андского нагорья, о которых говорится в главе XV. Анализируя этнический состав населения Перу, автор приходит к выводу, что «абсолютное большинство населения страны — индейцы и метисы» (стр. 413). Индейцы как в деревне, так и в городе жестоко эксплуатируются и фактически подвергаются дискриминации. Характеризуя перуанцев европейского и смешанного происхождения, Ю. А. Зубрицкий описывает одежду, быт и другие стороны жизни сельского и городского населения. Специальный раздел посвящен лесным племенам Перу. При характеристике населения Эквадора приводятся интересные данные о происхождении особой этнической группы монтувно, предками которой были негры. К сожалению, автор лишь мимоходом упоминает об индейцах хиваро. А между тем на основании наблюдений известных чехословацких путешественников И. Ганзелки и М. Зикмунда, побывавших у хиваро, об этом племени можно было бы сказать гораздо больше.

Сообщая краткие сведения об истории Боливии, автор, между прочим, заявляет, что в Перу, Эквадоре и Верхнем Перу (как называлась в колониальный период Боливия) «движение за независимость в подавляющей части было чисто креольским... Основная масса населения — индейцы, как правило, оставалась в стороне от движения» (стр. 425). Это утверждение противоречит фактам. В годы войны за независимость в Перу развернулось массовое индейское движение. В 1814—1815 гг. здесь происходило мощное восстание во главе с Пумакага, начавшееся в Куско и распространившееся на обширную территорию. В Верхнем Перу на протяжении ряда лет действовали многочисленные партизанские отряды, состоявшие преимущественно из индейцев, которые непрерывно нападали на испанские гарнизоны. В зоне действия одного из таких отрядов, руководимого Камарго, в 1815—1816 гг. существовала так называемая Республика Синти. В горных районах Ла-Паса, Кочабамбы и Оруро в течение целого десятилетия (1812—1821 гг.) действовал другой отряд, который в 1817 г. насчитывал более тысячи человек, в том числе свыше 800 индейцев. Не соответствует действительности и утверждение о том, что после провозглашения независимости индейцы Андских стран «продолжали платить особую подать, как и в колониальный период» (стр. 453). Ведь ликвидация испанского господства сопровождалась и прекращением уплаты подушной подати (tributo), взимавшейся при колониальном режиме королевскими властями.

Особое внимание уделено в главе индейцам кечуа и аймара, которые живут в ряде южноамериканских стран. Так, кечуа расселены на территории пяти государств: Перу, Боливии, Эквадора, Аргентины и Чили. Автор подробно описывает их сельское хозяйство, ремесла, одежду и украшения, духовную культуру, общественный строй. Большой интерес представляет характеристика кечуанской сельской общины. Б.И. Шарезская рассматривает ее структуру, организацию управления, формы общинного землепользования, показывает процесс распада общины, методы эксплуатации общинников, различные виды кабальной аренды и т. д. «Община кечуа — архаический пережиток, форма патриархального уклада, сохранившаяся в Андских странах до настоящего времени вследствие отсталости экономики и общественного строя этих стран», указывает автор (стр. 440).

Живо и интересно описаны празднества аймара, чему способствует использование для этого раздела материалов рукописи bolivийского исследователя Г. Вискара Фабре «Заметки о песнях и танцах аймара».

Анализируя процесс слияния отдельных индейских племен области Анд, указывая на отмирание ряда местных языков и диалектов и все более широкое распространение языка и культуры кечуа и аймара, автор приходит к выводу, что «уже в начале XX в. кечуа представляли собой преобладающую индейскую народность области Анд» (стр. 429). К этому же времени «сложился единый народ аймара» (стр. 446).

В разделе «Национально-революционные движения» рассказано о ряде восстаний и других революционных выступлений индейцев кечуа и аймара, в частности, приведен интересный материал о мало освещенном в литературе восстании под руководством Атуспарии в Перу (1885 г.).

Большую часть населения современного Парагвая (глава XX) составляют потомки индейцев гуарани, язык и культура которых наложили неизгладимый отпечаток на развитие парагвайской нации.

В колонизации Парагвая и порабощении его коренного населения особую роль сыграла католическая церковь. Еще в конце XVI в. здесь возникли иезуитские редукции, в которых индейцы подвергались самой жестокой эксплуатации. Созданная иезуитами колония, часто именуемая буржуазными историками «христианской республикой», фактически представляла собою, по мнению авторов, «теократическое рабовладельческое государство» (стр. 574). Однако приводимые ими конкретные данные не подтверждают вывод о рабовладельческом характере иезуитских редукций. Они свидетельствуют скорее о феодально-крепостническом строе иезуитского государства в Парагвае. За полтора столетия с лишним лет существования этого государства «иезуиты разрушили самобытную культуру индейцев и привели племена гуарани на край гибели. Тяжелый труд, строгий регламент всей жизни, казарменный режим, жестокие наказания за его нарушения, искоренение старых обычаев и традиционных обрядов, обязательство посещать церковь и выполнять христианские обряды, наконец, постоянное недоедание — все это действовало угнетающе на физическое и моральное состояние индейцев и привело к их вымиранию» (стр. 575).

Характеризуя диктатуру Франсии⁸ (1814—1840), авторы справедливо критикуют неправильную оценку его в некоторых исторических работах как вождя революционной демократии. Следовало бы, однако, больше подчеркнуть прогрессивность политики Франсии и указать, что она объективно способствовала развитию в стране капиталистических отношений. «К середине XIX в. Парагвай превратился в одно из наиболее экономически развитых государств Южной Америки» (стр. 577). Однако поражение в войне с Бразилией, Аргентиной и Уругваем (1864—1870 гг.) имело пагубные последствия для дальнейшего развития Парагвая. В результате войны, от голода и болезней погибло около 75% населения. Страна лишилась экономической самостоятельности, а также части территории. «Парагвай снова превратился в одну из самых отсталых стран Латинской Америки, каковой продолжает оставаться и поныне» (стр. 577).

Анализируя этнический состав населения Парагвая, авторы подчеркивают преобладание индейских элементов: «Современные парагвайцы — это в основном гуарани, среди которых растворились прежние завоеватели и их потомки» (стр. 581). Хотя официальный государственный язык — испанский, большинство населения говорит на языке гуарани, который является родным для 80% парагвайцев и даже введен как обязательный в начальных школах. Глава содержит интересные сведения об одежде, жилищах, ремеслах, украшениях, пище, религиозных верованиях и обрядах гуарани.

В ряде стран Южной Америки преобладает население, образовавшееся в результате смешения европейцев, индейцев и негров. В Колумбии (глава XIV) примерно две трети населения составляют испано-индейские метисы, мулаты и самбо. Наряду с ними имеется довольно значительная группа так называемых креолов (около 25%). Удельный вес негров и индейцев (главным образом племена чибча и карибов) сравнительно невелик.

Из тех же этнических групп состоит и население Венесуэлы (глава XVI), где несколько больше процент метисов и меньше — населения европейского и негритянского происхождения. Говоря об образовании венесуэльской нации, Э. В. Зиберт указывает, что «основное ядро венесуэльского народа сложилось уже в начале колониального периода, т. е. в XVI—XVII вв., но процесс этого формирования не закончился и в наши дни» (стр. 467). Это положение вызывает возражения и противоречит данным, приводимым самим автором. Ведь по его же словам, даже в середине XVII в. население Венесуэлы состояло на 75% из индейцев, а метисов, составляющих в настоящее время основную массу населения, было вместе с мулатами лишь 8,5%. Тем более нельзя говорить о складывании основного ядра современного населения Венесуэлы в XVI в. Что же касается утверждения о том, что этот процесс еще не совсем завершен, то само по себе оно, может быть, и не лишено оснований, но вряд ли соответствует постановке аналогичного вопроса в отношении Мексики (см. выше).

Хорошо написан раздел о земледелии и положении сельскохозяйственного населения Венесуэлы. К сожалению, в главе не показаны во всем их своеобразии венесуэльские льняно, сыгравшие большую роль в истории страны, особенно в период войны за независимость.

Анализируя процесс формирования современного населения Чили (глава XIX), автор проследживает его особенности по отдельным районам страны: Центральному, Северному и Южному Чили. Говоря о сельском населении, Э. В. Зиберт уделяет особое внимание положению основной массы крестьян и мелких арендаторов — инклино. Указывая, что юридически положение современных инклино несколько отличается от положения пеонов других стран Латинской Америки, автор подчеркивает, что «фактически здесь налицо то же самое долговое рабство» (стр. 562). В главе дается описание одежды, жилищ, утвари, занятий чилийских индейцев, занимающих обособленное положение среди остального сельского населения. Наиболее многочисленную часть их составляют арауканы, основная масса которых живет в резервациях. Описывая быт крестьянства и горожан, автор отмечает резкие контрасты богатства и нищеты в столице — Сант-Яго и других городах Чили.

⁸ Его полное имя не Хосе Родригес Гаспар, а Хосе Гаспар Родригес де Франсия.

Одной из лучших в книге является глава XVII — «Население Бразилии». Она написана очень живо, красочным, образным языком, насыщена богатым фактическим материалом. Весьма интересен большой раздел «Негры Бразилии», в котором рассказывается о появлении негров в стране, их борьбе за освобождение (в частности о негритянской Республике Палмарес), об их обрядах, обычаях, празднествах, верованиях, религиозном культе, языке и т. д. Все это дает возможность в полной мере оценить огромный вклад негров в бразильскую культуру и их роль в формировании бразильской нации. Читатель найдет в главе также характеристику кабокло, жагунсо и других групп местного населения.

Подчеркивая историческое значение отмены рабства и установления республики для роста капиталистических отношений в Бразилии, авторы показывают влияние экономических факторов на консолидацию бразильской нации, формировавшейся из трех главных компонентов: португальцев, негров и индейцев. Указывая, что окончательному оформлению бразильской нации способствовало развитие капитализма в конце XIX в., они приходят к выводу о том, что «на бразильской земле сейчас существует вполне сложившаяся нация с общим языком, традиционной национальной культурой» (стр. 494).

С большим знанием дела даны экономико-географический обзор и характеристика занятий населения по пяти основным районам страны: Север, Северо-Восток, Юго-Восток, Юг, Запад. Перед читателем проходят колоритные фигуры сборщиков каучука — серингейро, скотоводов Северо-Востока — вакейро, рыбаков — жангадейро, пастухов Юга — гаушо и др.

С Брандао и Э. С. Чернов уделяют также большое внимание показу условий жизни трудящихся. Они описывают не только красоты бразильской столицы, но и ее жалкие трущобы — фавелы. «Если средняя продолжительность жизни обитателей Рио-де-Жанейро не превышает 23 лет, то о средней продолжительности жизни обитателей фавел статистики бояться даже говорить», отмечают авторы (стр. 517). Они характеризуют санитарно-гигиенические условия жизни населения, состояние медицинской помощи, организации здравоохранения и т. д. Значительная часть главы посвящена бразильской культуре. Здесь читатель найдет интересные данные об особенностях языка, бразилизмах, диалектологических областях страны, а также описание народной музыки, песен, танцев, карнавалов и других празднеств.

В главе XVIII дается характеристика народов второй по размерам территории и численности населения страны Южной Америки — Аргентины, являющейся одной из наиболее развитых в экономическом отношении латиноамериканских республик. Особое внимание автор уделяет роли иммиграции в формировании современного населения этой страны. Однако он отмечает, что представление об Аргентине как о наиболее «белой» стране Латинской Америки преувеличено. «Оно может быть отнесено лишь к той части страны, в которую за последнее столетие шел поток иммигрантов из Европы, т. е. к району пампы, Патагонии и некоторым другим» (стр. 542). В районах же первоначальной колонизации до 50—75% составляет метисное население, этнически мало отличающееся от аналогичных групп населения соседних государств.

Характерной особенностью Аргентины является преобладание городского населения над сельским. 75% жителей живет в городах с населением более 10 тыс. чел. Автор описывает внешний вид городов и селений, различные типы жилищ, одежду, быт и культуру городского и сельского населения (в частности аргентинских гаучо).

Наряду с Аргентиной к числу южноамериканских стран с преобладанием населения европейского происхождения принадлежит и самая маленькая из них — Уругвай (глава XXI). Говоря о формировании современного населения Уругвая, автор рассказывает об истреблении его коренных жителей — индейцев чарруа, о судьбе уругвайских гаучо, о европейской иммиграции. В настоящее время индейское и метисное население этой страны не превышает 10%. Глава содержит краткие сведения о политическом строе, колонизации, городах и поселениях Уругвая. Однако в ней отсутствуют, к сожалению, какие-либо данные об одежде, жилищах, быте, занятиях, обычаях населения, об уругвайских танцах, песнях, музыке и других элементах материальной и духовной культуры. В этом отношении глава выглядит гораздо более слабой, чем остальные, и производит по сравнению с ними значительно менее выгодное впечатление.

В последней главе дается краткая характеристика процесса заселения, этнического состава, современного положения и политического строя владений европейских государств в Южной Америке (Британская, Голландская и Французская Гвиана, Фолклендские острова).

«Наиболее характерное явление для этнической истории стран Америки — это формирование новых наций смешанного расового и этнического происхождения, — указывается в заключении (стр. 612) ⁹. При этом С. А. Токарев справедливо отмечает, что

⁹ Симптоматичны в этом отношении высказываемые в Латинской Америке возражения против употребления данного термина. Так, издаваемый в Мехико журнал «America Indígena» отмечал недавно в редакционной статье, что «обозначение America Indóígena более логично и точно, чем — Латинская Америка» (т. XIX, № 2, апрель 1959 г.).

в странах смешанного национального состава (особенно таких, как Мексика, Гватемала, Перу) этнические группы являются в известных случаях одновременно и классовыми. «В сущности,— пишет он,— названия отдельных прослоек населения Америки, особенно Латинской, вначале относившиеся к расовому или этническому происхождению, получили впоследствии по преимуществу классовый смысл» (стр. 613). Трудно, однако, согласиться с тем, что, еще начиная с колониальной эпохи, этнические категории — креолы, метисы, индейцы — «стали постепенно обозначениями трех основных социальных классов в колониях: землевладельцев и крупных торговцев, среднего слоя мелкой буржуазии, мелких земельных собственников и поработенной или закрепощенной крестьянской массы» (стр. 613).

На наш взгляд, дело обстоит несколько сложнее. Действительно, к концу колониального периода большинство помещиков, купцов, владельцев рудников и мануфактур в колониях составляли креолы. Однако довольно значительную часть крупных землевладельцев, горнопромышленников и купцов составляли уроженцы метрополии (в руках которых находилась, в частности, вся внешняя торговля). Вместе с тем, многие креолы занимали средние и низшие должности в административном аппарате, армии, церковной иерархии, среди них были мелкие землевладельцы и предприниматели, ремесленники, лица свободных профессий и т. д. В Мексике, например, в начале XIX в. лишь сравнительно небольшая часть более чем миллионного креольского населения принадлежала к помещичье-буржуазной верхушке. Что же касается метисов, то это были не только мелкие землевладельцы и городские мелкобуржуазные слои, но и управляющие поместьями, низшее духовенство, а также батраки-неоны, рабочие рудников и мануфактур, городская беднота и др. После установления независимости и в ходе дальнейшего развития переплетение этнических и социальных факторов стало еще более сложным.

Ценными приложениями к работе являются обширная библиография, глоссарий с объяснением некоторых этнографических терминов и американизмов, а также тщательно составленный указатель. Книга снабжена картами и многочисленными иллюстрациями, которые очень оживляют текст. Ее прекрасному оформлению способствуют также со вкусом подобранные заставки и концовки к каждой главе.

Вызывает недоумение тот факт, что этот нужный труд издан явно недостаточным тиражом, который, конечно, не обеспечивает полного удовлетворения имеющегося спроса на эту книгу. Поэтому следовало бы в ближайшее время подумать о ее переиздании.

При подготовке второго издания авторы и редколлегия могли бы не только учесть критические замечания по существу, но и устранить отдельные фактические неточности и мелкие дефекты, встречающиеся в книге. Так, Бальбоа не мог выступить в поход через Панамериканский перешеек из Панамы (стр. 10), поскольку последняя расположена на побережье Тихого океана, которого Бальбоа достиг лишь в результате этого похода. Непосредственным преемником ацтекского правителя Монтесумы был не племянник последнего Куаутемок (стр. 12), а его брат Куитлауак. Трудовая повинность называлась в Мексике не матекиль (стр. 20), а куатекиль (cuatequil). Вицекоролевство Новая Испания было образовано не в 1585 (стр. 21), а в 1535 г. Испанцев — уроженцев метрополии называли гачупинами (стр. 29) главным образом в Мексике и Центральной Америке, а в южной части континента были больше распространены прозвища чапетоны или гоцы. Народный фронт, инициатором которого явилась Коммунистическая партия (см. стр. 117), в Мексике фактически не был создан в том виде, как он мыслился. На стр. 127 почти рядом встречаются разные обозначения одной и той же сельскохозяйственной культуры: кукуруза и маис. Венесуэла называлась в колониальный период не генерал-губернаторством (стр. 465), а генерал-капитанством. Войну за независимость Венесуэлы никак нельзя датировать 1811—1824 гг. (стр. 466), ибо восстание против колониального гнета вспыхнуло здесь в 1810 г., а разгром испанских войск был завершен в 1821 г. Энкомьенда — это не земельный надел (стр. 539), а представлявшееся испанским колонистам право эксплуатации прикрепленных к ним индейцев (на стр. 17—19 вопрос об энкомьенде освещен подробно и правильно).

Некоторые названия фигурируют в списке литературы то в испанском или английском издании, то в русском переводе (например, труды Берналя Диаса, В. Прескотта).

Указанные мелкие недочеты, касающиеся, как правило, деталей — второстепенных с точки зрения основного содержания книги, отнюдь не меняют общей весьма положительной оценки изданного Институтом этнографии полезного труда о народах Латинской Америки, который встречен с большим интересом нашей научной общественностью и широким кругом читателей.

М. С. Альперович